

САМПО.

ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ СВЯЗИ ФИНСКИХЪ СКАЗОКЪ СЪ РУССКИМИ.

АКАДЕМИКА ШИФНЕРА.

Строгий разборъ разныхъ стихій, послужившихъ основаніемъ эстонскому сказанію о Калеви-поэгѣ (сынѣ Калевы), приводитъ въ результатѣ къ тому, что въ этомъ сказаніи мы имѣемъ болѣе или менѣе сохранившіяся черты древней сѣверной мифологіи. Сказочное лицо Калевича окружено по большей части мифами о Торѣ; но возлѣ нихъ находимъ нѣчто, близко касающееся и Одина. Калевала представляетъ большее разнообразіе лицъ. Являющіяся въ ней три главныя лица: Вейнемейненъ, Ильмариненъ и Лемминкейненъ, дѣлятъ между собой разныя роли, которыя въ эстонскомъ сказаніи всѣ принимаетъ на себя одинъ Калевичъ. Впрочемъ нѣкоторые изъ дѣлъ, предоставленныхъ тому или другому изъ трехъ братьевъ, не всегда связаны съ ихъ именами. Какъ замѣтилъ уже Ленротъ въ предисловіи ко второму изданію Калевалы § 2, одинъ поэтъ о Вейнемейненѣ то, что другой приписываетъ Ильмаринену, третій — Лемминкейнену; точно также одинъ рассказываетъ о Лемминкейненѣ то, что иной знаетъ о Куллерво или Юкагайненѣ. Итакъ, имя не очень много значитъ здѣсь въ отношеніи къ дѣлу. Да и самое дѣло подвергается разнымъ видоизмѣненіямъ и прикрасамъ.

Довольно надежною исходною точкой мы признаёмъ здѣсь то, что западныя вѣтви финскаго племени, переселяясь изъ своей далекой или близкой прародины въ нынѣшнія мѣста жительства, не принесли съ собою сформированнаго ученія о богахъ, но узнали и приняли готовое лишь тогда, какъ пришли въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми народами индо-германскаго племени, опередившими ихъ въ образованіи. Что же до тѣхъ поръ имѣли у себя финскіе народы, то было немного выше шаманства, или по высшей мѣрѣ ограничивалось какимъ-нибудь числомъ стихійныхъ существъ. Но принявъ новое ученіе отъ сосѣдей, больше ихъ образованныхъ, они крѣпко держались его и, безъ сомнѣнія, сохранили нѣкоторыя черты древне-сѣверныхъ мифовъ, давно исчезнувшія въ Скандинавіи и въ дошедшей до насъ письменности. Какъ нельзя удержать языкъ въ одномъ опредѣленномъ состояніи, такъ гибки и измѣнчивы мифы: съ теченіемъ времени они теряютъ нѣкоторыя изъ своихъ составныхъ частей и принимаютъ въ себя чуждыя стихіи. Какъ скоро между какими-либо мифами оказывается сходство, ихъ сліяніе не встрѣчаетъ никакого препятствія, и вотъ съ однимъ мифомъ срастается другой. Есть и другіе источники, откуда мифъ получаетъ себѣ пищу: его мерцающія искры разгораются отъ разсказовъ о великихъ герояхъ и ихъ дѣяніяхъ, потомъ отъ чудесъ сказочнаго міра. Какъ было это у другихъ народовъ, такъ надобно полагать и у Финновъ. За недостаткомъ громкихъ событій и могучихъ богатырей, здѣсь естественно получаютъ тѣмъ больше значенія чудеса сказочной фантазіи.

Въ 1858 году, въ статьѣ о мифическомъ содержаніи финскихъ сказокъ (*Bull. hist. phil.*, Т. XII, № 23, 24 = *Mélanges russes*, Т. II, р. 599 — 624), я обратилъ вниманіе на разныя мѣста въ финскихъ сказкахъ, напоминающія намъ отдѣльныя черты въ рунахъ Калевалы, а вмѣстѣ я указалъ и на то, какъ пѣсня и сказка заимствуютъ другъ у друга содержаніе. Въ эти отношенія всматриваешься еще глубже, какъ скоро принимаешь въ кругъ изслѣдованія новѣйшія собранія русскихъ сказокъ. Тогда усматриваешь, что многія черты, которыя доселѣ считались перешедшими въ сказки изъ руны, на самомъ дѣлѣ всего скорѣе совершили обратный путь. Кажется даже, какъ-

будто нѣкоторыя существенныя явленія въ Калевалѣ обязаны своимъ происхожденіемъ лишь сказочнымъ цикламъ. Особенно поражало меня всегда, что владѣтельница Похъёлы представляетъ начало, враждебное родинѣ братьевъ-героевъ, тогда какъ владѣтель Похъёлы, съ которымъ бьется Лемминкейненъ и котораго онъ убиваетъ даже на поединкѣ, играетъ довольно второстепенную роль. Владѣтельница сѣверной земли, Лоуги, очень напоминаетъ злыхъ старухъ въ русскихъ сказкахъ, которымъ въ литовскихъ сказкахъ соотвѣтствуютъ Лаумы, а у Финновъ Сіээтэръ (т.-е. пожируха). По-русски онѣ называются обыкновенно: Баба-Яга, у бѣлоруссовъ Баба-Юга, ѣздятъ по воздуху въ желѣзной ступѣ, машутъ пестомъ и замечаютъ свой слѣдъ помеломъ¹⁾. Замѣчательно, что дочь Лоуги, предметъ, котораго добиваются Вейнемейненъ, Ильмариненъ и Лемминкейненъ, не имѣетъ никакого имени, точь-въ-точь какъ въ сказкахъ говорится просто о царевнахъ, безымянно. Младшій изъ братьевъ, Лемминкейненъ, отличается отвагой, которая и во многихъ сказкахъ достается въ удѣлъ младшему брату. Да и судьба Лемминкейна такая же, какъ часто бываетъ въ сказкахъ съ богатырями. Его разрубаютъ на куски и оживляютъ, какъ обыкновенно случается въ сказкѣ; его поѣздъ въ Похъёлу и поединокъ съ ея жительницей живо напоминаютъ разныя черты нѣкоторыхъ русскихъ сказокъ. На дворѣ Похъёлы Лемминкейненъ находитъ на каждомъ столбѣ, за исключеніемъ одного, по человѣческой головѣ: точно также въ финской сказкѣ изъ русской Карелии видимъ мы вокругъ замка заборъ изъ однихъ костей и на каждомъ столбѣ, кромѣ одного, человѣческую голову²⁾. Какъ Лемминкейненъ на пути въ Похъёлу преодолеваетъ встрѣчаемыя опасности, выпуская, посредствомъ волш. бства, изъ горсти перьевъ куропатки, цѣлую стаю куропатокъ, и превращая нѣсколько клочковъ шерсти

¹⁾ Аванасьевъ, *Народныя русскія сказки*. Изд. второе. Москва, 1868, стр. 80—83. Ср.

²⁾ Въ сборникѣ, изданномъ на иждивеніе финскаго литературнаго общества въ Гельсингфорсѣ, 1852—1854, Ээро-Сальмеляйненомъ (Эрикомъ Рудбекомъ). Ч. II, стр. 72.

въ стадо барановъ, мнѣ нѣтъ надобности говорить. На поединкѣ съ владѣльцемъ Похѣлы, Лемминкейненъ употребляетъ, между прочимъ, хитрость, чтобы принудить его оглянуться. Ту-же черту находимъ во многихъ финскихъ сказкахъ (см. Bull. hist.-philol., Т. XII, p. 345, = Mélanges russes, p. 621). Такимъ же образомъ въ одной малорусской сказкѣ (въ сборникѣ Аѳанасьева, изд. 2, III, стр. 18 и слѣд.), богатырь Покацигарошакъ заставляетъ девяти-головаго змѣя оглянуться послѣднею остававшеюся головою. — Въ одной изъ русскихъ сказокъ изъ Пермской губерніи (Аѳанасьевъ, II, стр. 66) младшій изъ трехъ царевичей, отъѣзжая на бой съ чудовищемъ, выпускаетъ изъ низинца стаканъ крови и, отдавая братьямъ, говоритъ: «Ежели въ стаканѣ кровь почернѣетъ, не ждите меня: значить — я умру³⁾». Уже Аѳанасьевъ въ примѣчаніяхъ на это мѣсто указалъ, что въ Калевалѣ есть подобная черта. Передъ отъѣздомъ въ сѣверную землю Лемминкейненъ покидаетъ свою головную щетку на стѣнѣ и даетъ слѣдующій наказъ:

Silloin on hukka Lemminkäistä,
Tuho poikoa pätöistä,
Kun suka verin valuvi,
Harja hurmehin loruvi.

т.-е.

Худо пришлось Лемминкейнену,
Вредъ молодцу удалому,
Коли щетка пустить кровь,
Поточить руду алую.

Еще ближе подходитъ сюда одна черта изъ малорусской сказки (Аѳанасьевъ, II, стр. 100), въ которой герой, младшій изъ трехъ братьевъ, Иванъ Подпяловъ, вѣшаетъ свою рукавицу и говоритъ братьямъ: «Если изъ моихъ рукавицъ поте-

³⁾ Въ одной рязанской сказкѣ у Худякова (*Великорусскія сказки*, вып. 1 стр. 86) говорится о разсѣченіи на части и оживленіи Ивана Царевича: отъѣзжая на приключенія, онъ помѣнялся съ сестрой золотымъ кольцомъ; какъ скоро оно начнетъ тускнѣть и чернѣть, это знакъ, что онъ въ опасности и погибаетъ.

четь кровь, то спѣшите ко мнѣ на помощь». Дѣло зашло бы слишкомъ далеко, еслибы мы захотѣли сравнивать всѣ отдѣльныя черты Лемминкейнена съ подобными въ сказкахъ. Достаточно упомянуть еще только задачи, заданныя Лемминкейнену владѣтельницей Похѣлы, на выполненіи которыхъ постигла его смерть, напоминающая кончину Бальдера. Лемминкейненъ, очевидно, имѣетъ кое-что отъ Бальдера, какъ уже и самое имя его непремѣнно въ связи съ словомъ *lempi*, род. *lemmen*, теплота, любовь. Съ другой стороны война, предпринятая имъ противъ Похѣлы и ея колдуновъ, равно и встрѣчи его съ мѣрозомъ (Пакканенъ), посланнымъ на него владѣтельницей сѣверной земли, даютъ право допустить сближеніе съ мѣрами о Торѣ. Болѣе чертъ изъ послѣднихъ находимъ мы въ старшихъ братьяхъ, Вейнемейненѣ и Ильмариненѣ, хотя собственно послѣдняго по преимуществу можно сближать съ Торомъ. Оба должны были предпринимать разныя походы, какія въ сказкахъ рѣшительно обыкновенны. Уже то обстоятельство, что Лоуги обѣщаетъ свою дочь тому, кто скуетъ сампо, равно и опасныя задачи, которыя Ильмариненъ выполняетъ для полученія руки дочери, никакъ нельзя отдѣлить отъ подобныхъ условій и задачъ, встрѣчающихся какъ въ другихъ сказкахъ, такъ особенно въ русскихъ и финскихъ. Въ особенности надо взять во вниманіе, что сама дѣва сѣвера, какъ нѣкогда Медя Язону, помогала совѣтомъ озабоченному Ильмаринену, и такимъ образомъ онъ смогъ не только вспахать змѣиное поле, но, во-вторыхъ, убить туонійскаго медвѣдя и манальскаго волка, и въ-третьихъ изловить страшную щуку въ рѣкѣ мертваго царства. Одна сказка о свадебномъ поѣздѣ Ильмаринена⁴⁾ нашла безъимянность невѣсты невыносимою и снабдила ее именемъ Катрины, а вмѣсто сампо видимъ мы сундукъ съ приданнымъ прекрасной Катрины. Этотъ сундукъ былъ зарытъ на берегу въ песокъ, точно также, какъ сампо было замкнуто въ горѣ.

Чтобы ближе подойти къ дѣлу по вопросу о сампо, надобно взять во вниманіе, что уже Кастрентъ, въ своихъ лекціяхъ о финской мифологіи не хотѣлъ приписать пѣснямъ о сампо глу-

⁴⁾ Bull. hist.-philol. T. XII, 372 = *Mélanges russes* T. II, p. 603.

бокой древности, потому что онѣ не встрѣчаются у другихъ народовъ финскаго племени. Но миѡъ, лежащій въ основѣ этихъ пѣсней, должно быть, однако, восходить въ глубокую древность. Что онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ мыслящему взгляду на великія явленія природы, не подлежитъ уже никакому сомнѣнію. По опыту объясненія, сдѣланному мной въ 1850 (въ *Bullet. hist.-philol.*, Т. VIII, № 5 = *Mélanges russes*, Т. I, р. 591 — 598) Мангардтъ въ своемъ сочиненіи: *Germanische Mythen*, Berl. 1858, стр. 400) хотѣлъ найти въ сампо «облако». А. Кунъ напротивъ, (въ своей богатой монографіи: *Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks*, Berl. 1859, стр. 114 и слѣд.) держался мысли о дневномъ свѣтилѣ. Не довольно основательно, мнѣ кажется, толкованіе сампо въ смыслѣ пояса (радуги) у Шварца (*F. L. W. Schwartz, der Ursprung der Mythologie*, Berl. 1860, стр. 118, 235). Но очевидно то, что этотъ миѡъ заимствованъ со скандинавскаго сѣвера и, навѣрное, не можетъ быть отдѣленъ отъ волшебной мельницы короля Фроди. Асбьёрнсень и Моэ (*Norske Folkeeventyr*, 2 изд., Christiania, 1852, стр. 488) справедливо сравнивали съ сампо мельницу, о которой говорится въ одной норвежской сказкѣ. Кажется даже, что самое имя сампо германскаго происхожденія и въ 1850 я пытался произвести его отъ шведскаго *stamp* толчея. Нѣкоторые изыскатели встрѣтили это производство съ одобреніемъ, но въ Финляндіи оно не нашло сочувствія, и какъ Кастрень, такъ позднѣе и Ленротъ⁵⁾ не удовлетворились имъ. Вполнѣ и я самъ не былъ доволенъ этимъ производствомъ. Хотя слово *stamp* встрѣчается какъ у Германцевъ, такъ и у Славянъ⁶⁾; но въ финскомъ, какъ и въ эстонскомъ языкѣ, вопреки собраннымъ мной примѣрамъ выпаденія второй согласной, выпаденіе первой обыкновеннѣе, какъ и изъ помянутаго шведскаго *stamp*, или скорѣе изъ древне-сѣвернаго *stamp* вышло въ финскомъ *tampu*, въ эстонскомъ *tamp*. Кромѣ того значеніе этого

⁵⁾ Castrén, Vorles. über finn. Mythologie стр. 268. Lönnrot въ *Tidning för medborgerlig bildning*, 1859. Januar; пер. на нѣм. въ *Inland*, Jahrgang 1859, № 13, подъ заглавіемъ: *Drei Worte von und aus altfinnischen Liedern*, именно на стр. 254.

⁶⁾ Ступа, *стапа*, польск. *stępa*.

слова такъ прямо, что ему трудно было воспринять въ себя поэтическое воззрѣніе на естественныя и чудесныя явленія природы. Если примемъ въ соображеніе, что сампо, не такъ какъ мельница Гротги, которую приводили въ движеніе двѣ могучія дѣвы, Феня и Меня, а напротивъ *само* молото, то нѣтъ ничего страннаго допустить, что это самое слово употреблялось для наименованія разныхъ чудесныхъ предметовъ въ русскихъ сказкахъ. Въ этихъ послѣднихъ встрѣчаемъ много такихъ предметовъ, которые, какъ-бы одушевленные, сами исполняютъ то, чего пожелаетъ ихъ владѣлецъ. Такъ есть коверъ-*самолетъ*, скатерть-*самовертка* или *самобранка*, мечъ-*самосѣкъ*, топоръ-*саморубъ*, башмаки, сапоги-*самоходы*, санки-*самокатки*, гусли-*самогуды*, кошелекъ-*самотресь*, ружье-*самострѣль*. Такимъ-же чудомъ былъ *самомоль* сампо. Не встрѣчается ли слово *самомоль* въ какихъ-нибудь неизданныхъ русскихъ сказкахъ, для насъ не можетъ имѣть большой важности. И безъ того кажется яснымъ, что мы должны схватиться за первую составную часть приведенныхъ сложныхъ словъ. Правильно находили ее уже первые объяснители сампо, но думая при этомъ объ идолѣ Юмады у Біармійцевъ, находили въ сампо — самъ богъ⁷⁾. Можетъ быть, дѣйствительно мы имѣемъ въ этомъ словѣ испорченное сложное. Какъ односложныя иностранныя слова финскій языкъ превращаетъ въ двухъ-сложныя, напр. шведское hatt шляпа — hattu, kam гребень — камра. (ср. Kellgren, Grundzüge der finnischen Sprache, Berlin 1847, p. 6), такъ съ другой стороны сокращаетъ многосложныя, напр. lampo вмѣсто lampuotі отъ шведскаго landbonde земледѣлецъ.

Искаженіе и сокращеніе иностранныхъ именъ такихъ чудныхъ вещей въ сказкахъ не должно удивлять насъ. Любопытно въ этомъ отношеніи извѣстіе профессора Ленрота, сообщенное мнѣ въ 1855 году и уже въ 1857 напечатанное въ газетѣ Inland (стр. 828). При малоизвѣстности этой газеты въ Россіи и въ чужихъ краяхъ, стоитъ здѣсь повторить слова Ленрота. Онъ писалъ ко мнѣ: «Когда я спросилъ одного Финна, откуда онъ узналъ столько сказокъ, онъ отвѣчалъ, что нѣсколько лѣтъ

⁷⁾ Кастренъ и Ленротъ, тамъ-же.

«сряду онъ служилъ то у русскихъ, то у норвежскихъ рыбаковъ, «на берегахъ Ледовитаго моря, и что когда буря не позволяла «заниматься рыбною ловлей, имъ нечего было дѣлать, какъ «только рассказывать другъ другу сказки и всякія приключенія. «*Иное слово*, или *иное мѣсто* разсказа онъ хотя и не понималъ, «или неправильно понималъ, но все-же угадывалъ общее содер- «жаніе каждой сказки, которыя потомъ съ помощью своихъ «собственныхъ выдумокъ пробовалъ передавать дома, когда «рассказывалъ своимъ въ длинные зимніе вечера и въ другіе «досужіе часы».

Именно въ сѣверномъ краѣ, особенно въ Архангельской губерніи, русскіе очень богаты сказками, и любятъ слушать ихъ и рассказывать. К. М. Бэръ самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ тамошніе мореходы на судахъ заслушиваются сказачниковъ, забывая окружающія ихъ опасности. И я могу привести изъ тѣхъ странъ сказку, которая какъ разъ подходитъ къ сампо. Мужикъ посадилъ кочешокъ капусты⁸⁾ въ подпольѣ; кочешокъ растетъ и растетъ; мужикъ прорубаетъ для него дыру на полу, въ потолокъ, въ крышѣ дома; кочешокъ дорастаетъ наконецъ до неба. Мужикъ влѣзаетъ по стеблю до самаго неба, прорубаетъ въ немъ дыру и пролѣзаетъ въ нее. Что же онъ видитъ тамъ? Стоять жерновцы⁹⁾. Повернутся жорновцы, и готовъ пирогъ, да шаньга, а наверхъ горшокъ каши. Онъ вздумалъ взять туда съ собой и жену; посадивъ ее въ мѣшокъ, онъ взялъ его въ зубы, и полѣзъ. «Далеко ли еще до неба?» спрашиваетъ жена. Мужикъ раскрылъ ротъ, чтобы отвѣтить, и мѣшокъ полетѣлъ къ низу. (Афанасьевъ, IV, стр. 32). Въ одной великорусской сказкѣ у Худякова (выпускъ 2, стр. 108), пѣтухъ, роясь подъ окномъ избы, нашелъ *золотыя жерновца*, къ которымъ всѣ приходятъ молоть муку и которые обогащаютъ тѣмъ своихъ бѣдныхъ владѣльцевъ.

⁸⁾ Въмѣсто кочня въ иныхъ сказкахъ стоитъ горохъ, въ другихъ бобы: это напоминаетъ одно мѣсто въ *Литовскихъ сказкахъ* Шлейхера, стр. 38.

⁹⁾ Жорновцы, жернова, въ литов. grnгов. Какъ въ русскомъ, кромѣ того, жерновки означаютъ камешки у раковъ, такъ и въ литовскомъ: wëzio grnгов, по-латышски wehschu dsirni.

Эта сказка съ одной стороны содержитъ въ себѣ черту, нужную намъ для сампо; а съ другой, взлѣзаніе по стеблю капусты необходимо напоминаетъ хитрость Вейнемейнена, которою онъ заставляетъ Ильмаринена взобраться на вершину сосны, чтобы снять луну и большую медвѣдицу. (Калевала, X, 113 и слѣд.) Тутъ Вейнемейненъ обнаруживаетъ въ себѣ свойства Одина, вызывая пѣніемъ бурю, которая уноситъ его брата въ Похьёлу. Тутъ нѣтъ ни коня, ни плаща-самолета¹⁰⁾, подобно тому, какъ и Генрихъ Левъ безъ нихъ носится по воздуху (ср. Simrock, Deutsche Mythologie, стр. 220).

Указанное мной касательно слова сампо не составляетъ одинакаго явленія: финскія и русскія сказки имѣютъ много сходныхъ подробностей. Какъ Вейнемейненъ *тридцать лѣтъ* странствуетъ по волнамъ еще во чревѣ матери (Калевала, I, 289 и слѣд.), такъ Илья Муромецъ тридцать лѣтъ сиднемъ сидѣлъ до своихъ походовъ. Вѣрнымъ союзникомъ Вейнемейнена находимъ мы Самсэ Пеллервойнена, а это имя напоминаетъ намъ сверстникъ Ильи. Въ одной старинной богатырской сказкѣ, записанной въ суксунскомъ горномъ округѣ¹¹⁾, видимъ мы пятерыхъ богатырей, которые сторожатъ на краю моря сянго, не пропуская ни коннаго, ни пѣшаго.

Первый. Илья Муромецъ,
 второй Колыванъ сынъ Ивановичь,
 третій. Самсонъ Васильевичь,
 четвертый. Добрыня Никитичъ младъ.
 а пятый. Алеша Поповичъ.

Въ другой пѣснѣ (въ Сборникѣ Кирѣвскаго, I, стр. 45, ст. 144) является прямо: «Самсонъ богатырь Колывановичъ.»

¹⁰⁾ Въ русскихъ сказкахъ вмѣсто плаща обыкновенно коверь-самолеть. Блиско родственна также и скатерть самобранка, на которую есть намекъ въ одной финской сказкѣ, (II, стр. 69): король приказываетъ дѣвицѣ-богатырю изготовить къ завтешнему дню скатерть съ изображеніемъ мѣсяца и звѣздъ.

¹¹⁾ *Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣвскимъ*. Москва, 1860, стр. 7, также въ «Памятникахъ и образцахъ народнаго языка и словесности» при Извѣстіяхъ II Отд. Имп. Акад. Н. т. II, стр. 161.

Этотъ Колывань; при отношеніи своемъ къ Самсону, сильно заставляетъ подозрѣвать себя въ сродствѣ или, лучше, прямо, тождествѣ съ финскимъ Калевой и Калевичемъ¹²⁾. Въ одной пѣснѣ изъ лугскаго уѣзда, петербургской губерніи (у Кирѣевскаго, стр. 58) Самсонъ выступаетъ не въ такой тѣсной связи съ Ивановомъ Колывановичемъ¹³⁾; но она именно отличается разными позднѣйшими стихіями. Какъ недавно Мюлленгофъ (въ *Naurt's Zeitschrift*, XII, 348 и слѣд.) доказалъ вторженіе русскаго богатыря Ильи Муромца въ скандинавское сказаніе, такъ любопытно видѣть теперь и въ русскихъ сказкахъ имя, прославляемое на финской и эстонской почвѣ. Дальнѣйшія изслѣдованія раскроютъ дѣло больше. Въ эпическихъ пѣсняхъ, въ сказкахъ и сагахъ Финновъ и Эстовъ, вѣроятно, найдутся нѣкоторыя черты и изъ нѣмецкихъ и скандинавскихъ сагъ. Какъ знать, не примыкаетъ ли напримѣръ имя Лемминкейненова соратника, Тьеры, въ своемъ происхожденіи къ Дитриху Бернскому, хотя теперь оно смотритъ чисто финскимъ словомъ и посредствомъ синонима: Кура, ведетъ къ другому взгляду¹⁴⁾?

Р. С. Прочитавъ эту статью въ нѣмецкомъ подлинникѣ, докторъ Крейцвальдъ въ Верро (въ Эстляндіи), заслуженный издатель эстонской эпопеи: Калевипоэгъ, сообщилъ автору эстонскую сказку, которая, какъ читатель увидитъ, много прибавляетъ вѣроятности вышепредложенному объясненію значенія сампо. Сообщаемъ эту сказку въ близкомъ переводѣ.

«Одна бѣдная сирота съ ранняго утра до поздняго вечера молала на жерновахъ хлѣбъ, который скупая хозяйка продавала. Однажды мелочей сиротѣ является финскій колдунъ въ видѣ нищаго калѣки, даетъ ей худой платокъ и говоритъ: вотъ этимъ платкомъ ты вечеромъ повяжешь себѣ голову и скажешь: сонъ, веди меня туда, гдѣ я найду жернова самомола: на утро они будутъ у тебя. Сирота сдѣлала, какъ научилъ калѣка, заснула и видѣла во

¹²⁾ Ср. *Bull. de l'Acad.* T. II, p. 294 = *Mél. russes*, T. IV, p. 157.

¹³⁾ Дается мнѣ, что въ сказкѣ, сообщенной Аванасьевымъ (II, 135) по Бронницину, простака Голь Воянскій, перехитряющій всѣхъ другихъ, содержитъ въ своемъ имени остатокъ слова Колывановичъ; въ пермскомъ вариантѣ этой пѣсни роль такого простака играетъ уже Иванушка дурачекъ (Аванасьевъ, II, стр. 8); у Нейса (*Neus, Revals sämtliche Namen*, Reval. 1849, стр. 66) Голыванъ означаетъ даже бранное слово.

¹⁴⁾ *Bull. hist.-philol.* VIII, p. 75 = *Mél. russes*, T. I, p. 596.

«снѣ, что попала въ адъ. Тамъ былъ большой ящикъ, а въ ящикѣ большой шумъ и стукъ, какъ будто отъ мелющихъ жернововъ. Сирота взяла изъ конюшни бѣлую лошадь, привязала ящикъ къ хвосту, сама сѣла на крышку ящика и поскорѣе домой. Обрадовалась она утромъ, когда увидѣла, что ящикъ, который она видѣла во снѣ, дѣйствительно стоялъ передъ нею. Въ крышкѣ была дыра; черезъ нее высыпали хлѣбъ, который запертые жернова превращали въ муку. Когда хозяйка, мучимая любопытствомъ, разъ открыла крышку, изъ ящика ей кинулось въ лицо пламя клочьями и жалкимъ образомъ изожгло ее. Сирота между тѣмъ выросла и вышла за мужъ за вдовца, а ящикъ съ волшебными жерновами скрылся и съ тѣхъ поръ донынѣ не могли отыскать его».

